Ксения Данкова

Обрываемые страницы. О чём молчит блокадный Ленинград

Ксения Данкова

Обрываемые страницы. О чём молчит блокадный Ленинград

https://litres.ru/74734013
SelfPub; 2026

Аннотация

Одна душераздирающая история блокадного Ленинграда из найденного дневника мальчика, который жил в городе в период блокады.

Обрываемые страницы. О чём молчит блокадный Ленинград

«Обрываемые страницы: о чём молчит блокадный Ленинград» часть 1

Глава 1. Старый дневник

Старый кожаный дневник. Потёртый, изношенный и пыльный. Местами рваный, с пожелтевшими от времени страницами и неровными, будто надорванными краями. Внутри же — едва читаемые строки, где-то размытые каплями воды или слёз. Целая куча ободранных или полностью вырванных страниц, множество обрывочных предложений, слов и, что самое главное, жизней. Ранее бодрый, весёлый и шумный город замолчал на 872 мучительных и невыносимо долгих дня. Всем велели сидеть тихо. Мы привыкли представлять войну через сводки, карты и даты. Блокада Ленинграда кажется нам лишь строчкой: 872 дня, голод, холод, героизм, смерти людей. Но за каждой цифрой скрывается целый поток людей, которые просто хотели любить, быть счастливыми и просто жить. Каждый хотел дописать свою страницу, но они часто обрывались и оставались навечно пустыми. Люди не жили «историей» — они просто пытались выжить день за днём, крепко хватаясь за каждую возможность, по-

ка их одолевал животный страх и паника. Надеюсь, что мы сможем прочитать то, что осталось между размытых и написанных тревожным почерком строк. Проникнем в это время ровно на один день, который для многих мог тянуться, как целый месяц или год. Это попытка услышать то, о чём молчит блокадный Ленинград: резко обрывочные записи и выдернутые страницы, дневники или даже жизни людей.

глава 2. 16 января 1942 г.

16 января 1942 г. Холодный морозный ветер, дующий мне навстречу, обжигал щёки, пронизывал насквозь и въедался в кости. Я кутался в то, что осталось от моего старого пальто — потрёпанного, с облезлым меховым воротником, который когда-то казался солидным, а теперь напоминал о мирной жизни. Под ним — толстый свитер: шерстяной и колючий, доставшийся мне от отца. Снизу на мне были трикотажные кальсоны, а поверх них — множество другой одежды, которой я обматывал себя, чтобы не замёрзнуть. На ногах же были валенки, довольно давно потерявшие всякий вид: местами залатанные грубой тканью, местами стянутые верёвкой. Подошва уже давно истончилась, и сквозь прорехи то и дело пробирался колючий холод, заставлявший мгновенно дрожать. Я пытался делать всё возможное, чтобы их ещё можно было носить и использовать. Поверх всего я надел армейскую шинель, которую мне выдали при зачислении в команду по расчистке улиц. Она была немного велика, ужасно тяжёлая и пахла дымом с гарью, но спасала от жестоко-

го ветра, что свистел между руинами старых домов. На шее же находился шарф, связанный моей мамой из распущенного старого пледа. Он уже давно не грел, как прежде, но всё равно был необходим: хоть как-то прикрывал горло, когда приходилось кричать сквозь вой сирен. На голове же была ушанка с треснувшей пуговицей, я постоянно подтягивал её, чтобы уши не мёрзли, но это не особо помогало. А на руках были надеты тёплые и старые меховые варежки, также доставшиеся мне от отца. Я шёл по замёрзшей тропе заснеженных улиц, смотря на людей вокруг. Женщина сорока лет шла с маленьким кусочком чёрного хлеба в руках и жадно кусала и глотала его, отчего мне тут же захотелось есть и меня пробила лёгкая тошнота от голода. Желудок ужасно ныл. У женщины были беспокойные и тревожные глаза, а на лице застыл испуг. Я попытался ускорить шаг, чтобы поскорее добраться до магазина хлебобулочных изделий, встать в очередь, получить хлеб и вернуться домой с едой, наконец обрадовав и накормив своих родных, у которых почти не осталось сил. Я крепче сжал в своих холодных руках карточки для получения хлеба и старался быть бодрым и энергичным, хоть это у меня и выходило с трудом. Хлеб мы ходили получать ранним утром: примерно в 4—5 часов утра, когда было ещё темно и ничего не видно, нужно было занять огромную очередь, которая, как казалось, тянулась во весь блокадный Ленинград. Я шёл уже примерно сорок минут и мне оставалось совсем чуть-чуть, но ноги уже тяжко ныли, а пустой же-

лудок напоминал о себе знать, громко урча и заставляя меня хотеть сгибаться напополам от боли и пустоты, которые изъедали меня изнутри. По пути я видел ещё людей: бедную женщину с тоской на лице, которая несла в руках маленького ребёнка, укутанного в большой и плотный плед из меха, свёрнутый несколько раз. Она стояла, слегка покачиваясь, будто пыталась удержать равновесие не только на скользком тротуаре, но и в самой жизни. Её лицо было бледным, почти прозрачным и осунувшимся, а глаза — огромными, тёмными. В них застыла такая глубокая усталость, что она казалась старше своих лет. Она была очень легко одета, так как почти во всю свою одежду укутала бедного ребёнка. Её замёрзшие красные пальцы дрожали и медленно гладили ребёнка по спине. Даже несмотря на голод, холод, боль и усталость — она слабо и тепло улыбалась своему крохотному малышу, что заставило меня растаять и слегка улыбнуться, забыв обо всём на свете. Но меня отвлекла суровая реальность, когда в десяти метрах от меня послышался хриплый кашель больного мужчины, что выпрашивал еду и помощь. На его лице было отражено одновременно и безумие, и страх с паникой, перемешанные с мольбой. Он подбежал к каждому, и крепко цепляясь за шубу, почти с ужасом кричал:- Помогите мне, умоляю! Я умираю с голода и моя семья тоже! Моего сына забрали на войну, а маленькая дочка тяжело больна!! Не могли бы вы хоть дать немного еды?… Мы хотим есть! — мужчина начал слегка дёргать и трясти каждого челове-

ка на своём пути, каждого умолял, но большинство людей просто виновато и слабо вертело головой в разные стороны, после чего он убегал к следующему. Наконец очередь дошла до меня. Мужчина порядком устал, но не потерял надежды. Почти задыхаясь, он опустился на колени, взял меня за руку и стал умолять. Его глаза были словно стеклянными, пустыми и, казалось, утерявшими смысл жизни. В них просто застыл ужас. Они были серыми и тусклыми, а внутри блестели слёзы. Они лились по его замёрзшим красным щекам, а потом и вовсе застывали от мороза. Губы дрожали, глаза беспокойно бегали по сторонам, а в голосе слышалась горечь и переживание.- Прошу, помогите! Я уверен, что вы — добродушный человек! У меня болеет маленькая дочь! Умоляю! Не могли бы вы дать нам хоть чуть-чуть еды?…Опустив глаза, я виновато покачал головой.- Простите, но на нас самих едва ли хватает еды… Мне жаль вас и вашу дочку… Мужчина пусто смотрел по сторонам, потеряв последнюю надежду и смирившись. Он опустил глаза и сидел совершенно неподвижно, смотря на заснеженный тротуар перед собой со свежими следами от валенок людей. Я постоял рядом с ним ещё несколько минут, но не найдя, чем помочь и подбодрить — я лишь похлопал его по плечу и сказал:- Надеюсь, что всё у вас будет хорошо. Выздоровления вашей дочке… — но решив попробовать поковыряться в кармане пальто, я нашёл несколько хлебных крошек, свёрнутых в лёгкий платок и отдал их ему. Он с благодарностью посмотрел на меня и изо

всех последних сил постарался мне улыбнуться. Затем мужчина встал, пожал мне руку и пошёл дальше просить у других, ещё не полностью утеряв надежду. У меня потеплело на душе, и я подошёл к женщине с ребёнком, поняв, что мимо неё я просто не смогу пройти и обязательно найду, чем помочь. На её лице застыло недоумение.

— Вам помочь?… — голос мой звучал хрипло, неуверенно и непривычно тихо, будто боялся напугать.

Женщина медленно повернула голову, будто каждое движение давалось ей с трудом.

— Спасибо.. — прошептала она, и её губы чуть дрогнули в слабой улыбке, а в глазах появилась надежда. — Мы идём к тёте. Она живёт в соседнем доме. Говорят, там есть печка… Хоть немного тепла…

Ребёнок на её руках тихо и жалобно всхлипнул, и женщина крепче прижала его к себе, будто стараясь отдать всё своё оставшееся тепло.

— Давайте я понесу. — предложил я, кивнув на малыша. — Вы совсем обессилели.

Она покачала головой, но в её глазах мелькнула благодарность.

— Нет, спасибо… Я сама. — Она замялась. — Он — всё, что у меня осталось… — Она посмотрела на своего засыпающего малыша и улыбнулась. Я выдохнул и тоже слегка улыбнулся, взяв женщину под руку и помогая ей идти. Она едва переставляла ноги, а я старался держаться так, чтобы

в случае чего успеть её подхватить. Снег хрустел под нашими ногами, а где-то вдалеке, снова громыхнуло — очередной снаряд упал где-то неподалёку, но здесь, на этой улице, в этот миг казалось, что весь мир сузился до маленького свёртка в её руках. Ребёнок слегка вздрогнул от шума и стал ёрзать и кричать. — Тише… — тихо приговаривала она, качая его и прижимая к себе. Я услышал, как она неразборчиво поёт себе под нос какую-то колыбельную. Через несколько минут ребёнок крепко и мирно спал, слегка посапывая. Вскоре мы дошли до нужного дома. Женщина остановилась у двери, тяжело дыша.- Вот… Мы пришли. — тихо сказала она, будто не веря, что смогла дойти. Я помог ей открыть тяжёлую и крепкую дверь от подъезда, и она шагнула внутрь, где пахло дымом и слабым, но таким желанным теплом. Прежде чем скрыться в полумраке коридора, она снова посмотрела на меня.

— Спасибо вам… — прошептала она, улыбаясь. — Пусть Бог хранит вас.

Дверь закрылась, и я остался стоять на пороге, чувствуя, как холод снова пробирается под одежду. Но в груди отчего-то стало чуть теплее — от мысли, что я смог быть кому-то нужен и полезен. Наконец отвлёкшись, я вновь поспешил к очереди за магазином хлебобулочных изделий. Оставалось буквально ничего и до меня уже доносились крики и возмущённые возгласы.

Я подошёл и встал в очередь. Очередь за хлебом тянулась

вдоль обледеневшей стены дома — длинная, молчаливая, но не безмолвная: в ней жила своя, особенная речь — тяжёлое дыхание, скрип валенок по насту и редкие, будто вымученные слова. Но и это было не всё. Люди часто могли возмущаться и скандалить. Я стоял, вжав голову в плечи, и сжимал в кармане карточку — единственную ниточку, связывающую меня с жизнью. Если потерять карточку — потеряешь и хлеб, и жизнь. Рядом старая бабушка тихо всхлипывала, всё повторяя: «Господи, хоть бы хватило… Хоть бы сегодня не сократили». Её пальцы, тонкие и синие от холода, дрожали, и она тёрла их друг о друга, отчаянно образуя лодочку и запуская туда горячий воздух изо рта, чтобы хоть как-то согреть. На шее у неё висел на верёвочке крохотный мешочек — наверное с чем-то дорогим, что ещё не успели обменять на хлеб, а под ним на тоненькой верёвочке висел серебряный крестик. Чуть впереди мужчина в потрёпанной шинели бормотал сквозь зубы: «Опять очередь, опять ожидание… А дома жена и двое детей. Что я им скажу, если хлеба не дадут?». Его голос был хриплым, надтреснутым, будто слова царапали горло изнутри. Молодая женщина, стоявшая чуть поодаль, вдруг резко обернулась к соседям и почти крикнула: «Сколько можно стоять? У меня ребёнок третий день почти ничего не ел!». В её глазах плескалась не просто усталость — в них была паника, острая и беспощадная. Кто-то тихо шикнул на неё, кто-то отвернулся, пряча взгляд, а кто-то, наоборот, шагнул ближе и шепнул: «Тише, милая,

тише… Сейчас всё будет. Сейчас очередь подойдёт». Но в этом «всё будет» не было уверенности — только отчаянное желание хоть как-то успокоить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.